

ЖАК ЛАКАН: ВВЕДЕНИЕ

Дмитрий
УЗЛАНЕР

РИПОЛ **КЛАССИК**

Дмитрий Узланер
Жак Лакан: введение

«РИПОЛ Классик»

2021

УДК 14
ББК 87.3

Узланер Д. А.

Жак Лакан: введение / Д. А. Узланер — «РИПОЛ Классик», 2021

ISBN 978-5-386-14508-8

Дмитрий Александрович Узланер — кандидат философских наук, психолог. Научный сотрудник РАНХиГС и МВШСЭН. Преподает теорию психоанализа в Высшей школе экономики. Данная работа основана на лекционном курсе «Введение во вселенную Жака Лакана (1901—1981)», который был создан в 2020 г. и который читался автором в ряде высших учебных заведений Москвы — в частности, Высшая школа экономики, Институт психоанализа на Чистых прудах. «Жак Лакан: введение» поможет читателю прийти к базовому пониманию лакановских теорий, проследить основной ход его мысли. Для широкого круга читателей.

УДК 14
ББК 87.3

ISBN 978-5-386-14508-8

© Узланер Д. А., 2021
© РИПОЛ Классик, 2021

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Лекция 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дмитрий Узланер

Жак Лакан: введение

© Узланер Д. А., текст, иллюстрации, 2021

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

Предисловие

Данная работа выросла из лекционного курса «Введение во вселенную Жака Лакана (1901–1981)», который был создан в 2020 году и который читался автором в ряде высших учебных заведений Москвы – в частности, в Высшей школе экономики, Институте психоанализа на Чистых прудах. В аудио-формате этот курс существует как цикл лекций на платформе YouTube¹.

Для этой книги курс был доработан и отредактирован. Однако в целом было решено сохранить формат устной речи – это делает текст гораздо более понятным и доступным для восприятия.

При подготовке курса помимо текстов самого Лакана был использован целый ряд введений и комментариев к Лакану. В частности, были использованы работы Брюса Финка, Джоэла Дора, Лайонела Бэйли, Дариана Лидера, Элизабет Рудинеско, Славоя Жижека, Филипа ван Хойте, Шина Хомера и многих других. За что этим авторам огромная благодарность – без них мир Лакана не раскрылся бы передо мной во всех его красках.

Я благодарен Аурелии Ивановне Коротецкой, которая побудила меня на создание данного курса летом 2020 года. Я также благодарен редакторам и сотрудникам издательства «РИПОЛ классик» (особенно Ирине Паскеевой), благодаря которым эта книга во многом и стала возможной.

Книга предназначена для студентов, аспирантов, изучающих психологию, философию или психоанализ, а также, в целом, для всех, кто интересуется сложным и парадоксальным миром идей Жака Лакана. Я очень надеюсь, что мой курс поможет проникнуть во вселенную французского психоаналитика. И убедит в ней задержатся.

¹ Узланер Д. Курс «Введение во вселенную Жака Лакана (1901–1981)» / Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=U7pKy cI1wWQ&list=PLcHjj575wG0n0N8xGiDS9rAAcEb3qKit>.

Введение

Данная книга представляет собой введение в теорию французского философа и психоаналитика Жака Лакана, одного из крупнейших мыслителей XX века.

Я начал серьезно изучать Лакана в 2014 году – к нему меня привел интерес к творчеству словенского философа Славоя Жижека (р. 1949). Мне нравилось, как он мыслил, при этом я понимал, что мышление Жижека во многом замешано на идеях Лакана, который в тот момент казался мне абсолютно загадочной и непонятной фигурой. Надо сказать, что до этого я уже предпринимал попытку знакомства с Лаканом, но тогда это закончилось неудачей – его тексты показались мне сложными, непрозрачными. Я ничего не понимал и в целом считал эту затею безнадежной. Однако я все же решил предпринять еще одну попытку погружения в лакановскую вселенную, результатом чего и стала, в конце концов, эта книга.

Мое желание сделать «Введение в Лакана» вызвано тем опытом, который у меня был в тот момент, когда я искал свою точку входа в его интеллектуальный космос. Мне пришлось потратить очень много времени на это. Спустя шесть лет я пришел к пониманию необходимости сделать курс на русском языке, который бы укоротил пройденный мною путь для других. Я захотел создать такую точку входа, которая позволила бы любому человеку начать осмысленное погружение во вселенную Лакана. На мой взгляд, это того стоит.

Книга состоит из пяти лекций, каждая из которых посвящена связанному блоку сюжетов, раскрывающих ключевые моменты лакановских теорий. Безусловно, в рамках пяти, даже десяти разделов невозможно осветить все аспекты творчества философа. Более того, многие грани его творчества остаются неосвоенными. Даже люди, которые посвятили всю жизнь изучению его работ, признаются, что в текстах есть места, которые они не понимают. В этом плане наследие Лакана можно изучать бесконечно.

В целом Жака Лакана можно назвать антисистемным мыслителем. В том смысле, что он не стремился создать какое-то законченное учение-систему. В этом его отличие от целого ряда других великих философов, например Гегеля, которые как раз стремились к тому, чтобы построить всеобъемлющую систему, в которой все понятия были бы связаны между собой и которая позволяла бы объяснить все на свете. В таком понимании Лакан – это, конечно, антисистемный философ. Его мысль – это горячая, живая, бьющая лава, которая все время меняет свои формы. Он вводит новые понятия, переосмысливает старые, возвращается к каким-то давно оставленным сюжетам; другие сюжеты, которые, наоборот, были до этого для него важными, исчезают. То есть перед нами живой поток мысли – наложенный еще и на специфическую форму представления лакановских идей – устный семинар.

Извлечь из этого живого движения мысли структуру – достаточно нетривиальная задача. Тем не менее вполне выполнимая. Цель моей работы – дать читателям базовое понимание философии Лакана, обозначить основные ходы его мысли. Тот, кто освоит эту базу, впоследствии может на этом фундаменте надстраивать новые этажи, погружаясь в менее понятные, менее упорядоченные, менее систематизированные, менее освоенные аспекты лакановского творчества.

Первая лекция посвящена интеллектуальной биографии философа и психоаналитика. Я расскажу о том, каким он был человеком и как его жизнь перекликалась с его творчеством. В частности, какие аспекты его жизни, какие знакомства нашли отражение в его мысли. Это достаточно важная часть, так как она придает пониманию его идей большую объемность – ведь становится понятно, какой за ними стоял человек.

Вторая лекция посвящена, наверное, самой известной лакановской концепции – стадии зеркала. А также первому из трех его регистров – регистру воображаемого.

Третья лекция посвящена взглядам Лакана на символическое – его теории знака. Я буду расшифровывать загадочное лакановское высказывание о том, что «бессознательное структурировано как язык». Также коснусь регистра реального.

Четвертая лекция посвящена психическому становлению субъекта. В рамках этой темы я буду говорить о том, как Лакан понимал желание, наслаждение, фаллос, кастрацию, Эдипов комплекс, Имя-Отца и т. д.

Наконец, пятая лекция посвящена клиническим структурам, которые выделял Лакан – ведь он был не только мыслителем, но и практикующим психоаналитиком, который много работал с пациентами. Таких структур у него было три: психотическая, первертная и невротическая.

Однако прежде чем перейти непосредственно к первой лекции, я хотел бы сказать пару слов о том отчуждающем эффекте, который имеют работы мыслителя. Если спросить человека, который, возможно, даже интересовался философией или психоанализом, о Лакане, то реакция чаще всего будет негативной. У философа плохая слава. Плохая слава в том смысле, что ему принадлежит целый ряд афоризмов, высказываний, суждений, которые выглядят предельно умно, предельно интригующе, но зачастую понять, что именно они значат, очень трудно. Это имеет сильный отчуждающий эффект. Многие люди в буквальном смысле считают труды Лакана какой-то абракадаброй.

Вот, например, некоторые из его высказываний: «Я – это другой», «Бессознательное структурировано как язык», «Я мыслю там, где я не есть. Я есть там, где я не мыслю», «Желание человека получает свой смысл в желании другого». Кроме того, ему принадлежит целый ряд концепций, опять же звучащих крайне эзотерично: Имя-Отца, Большой Другой, символическая кастрация, точка пристежки и т. д.

Не понимая, что это все значит, люди порой отшатываются от лакановских работ и никогда больше к ним не возвращаются. Особенно, если они попытались читать самого Лакана, то есть его собственные тексты.

Надо сразу сказать, что Лакан – это был не тот человек, который любил писать. По большому счету, за всю свою жизнь он написал только одну книгу. Единственной книгой, которую он действительно написал в полном смысле этого слова, была его диссертация, посвященная делу Эмэ (1932), о чем речь пойдет в первой лекции. Самая знаменитая его работа „Йсгитс“ (1966) – просто собрание статей, написанных за долгое время.

Ощущение от его текстов можно передать с помощью следующего образа: представьте себе, что есть лестница, в этой лестнице сто ступенек. Для того чтобы с первой ступеньки попасть на сотую, надо по этим ступенькам пройти. А теперь можно представить, что из этих ступенек, например, каждую третью выбили. А потом из оставшихся выбили еще половину. В итоге подняться по этой лестнице становится невозможно. Так и тексты Лакана – длинная лестница, где каждая ступенька – это шаг в рефлексии. Но почти все эти шаги скрыты. Кажется, что между одной мыслью и другой – гигантский пробел, гигантская пропасть. И не понятно, как ее преодолеть. По сути, единственный способ осилить эту смысловую пропасть – обратиться к комментирующим текстам. Либо к лакановским семинарам, которые в этом плане гораздо более щадящие для читателя. Однако эти семинары так до сих пор и не были изданы до конца, причем не только на русском языке.

В этом плане, конечно, Жак Лакан – феномен. Человек, который написал всего одну книгу, который выражался предельно туманно, но который при этом смог окружить себя огромным количеством поклонников и сделать внушительную интеллектуальную карьеру. В XXI веке он продолжает оказывать интеллектуальное влияние не только на Францию, но и на весь мир.

Есть еще один момент, связанный с Лаканом, опять же не способствующий его пониманию: в какой-то момент он оказался очень сильно увлечен идеей формализации психоанали-

тической теории. Он пытался создать свою психоаналитическую алгебру с некими подобиями уравнений, схем и формул. Опять же, если смотреть на лакановские построения без подготовки, то они могут пугать своей сложностью, отвращая и без того быстро теряющего энтузиазм читателя.

На рисунках 1 и 2 приведены некоторые из схем Лакана.

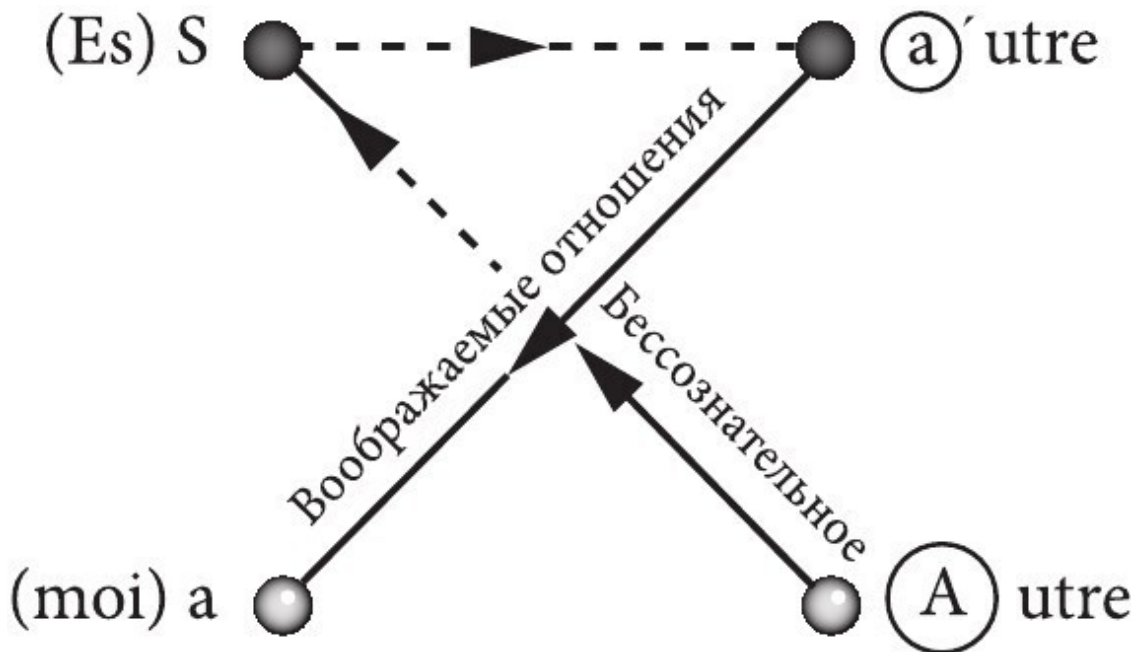

Рисунок 1. Схема L

Свою работу я мыслю как попытку объяснить, что же стоит за подобными сложными и непонятными лакановскими терминами. Что стоит за этими построениями, рисунками, конструкциями. Задача в том, чтобы после ознакомления с работой можно было бы снова вернуться к этим страницам и понять, что ни схема L, ни конструкция с двумя зеркалами, ни формализованный лакановский язык – все эти A, a, i(a), S и прочее – уже больше не выглядят чем-то пугающим. Наоборот, все это лишь побуждает к дальнейшей рефлексии, к дальнейшему погружению в то, что я называю интеллектуальной вселенной Жака Лакана.

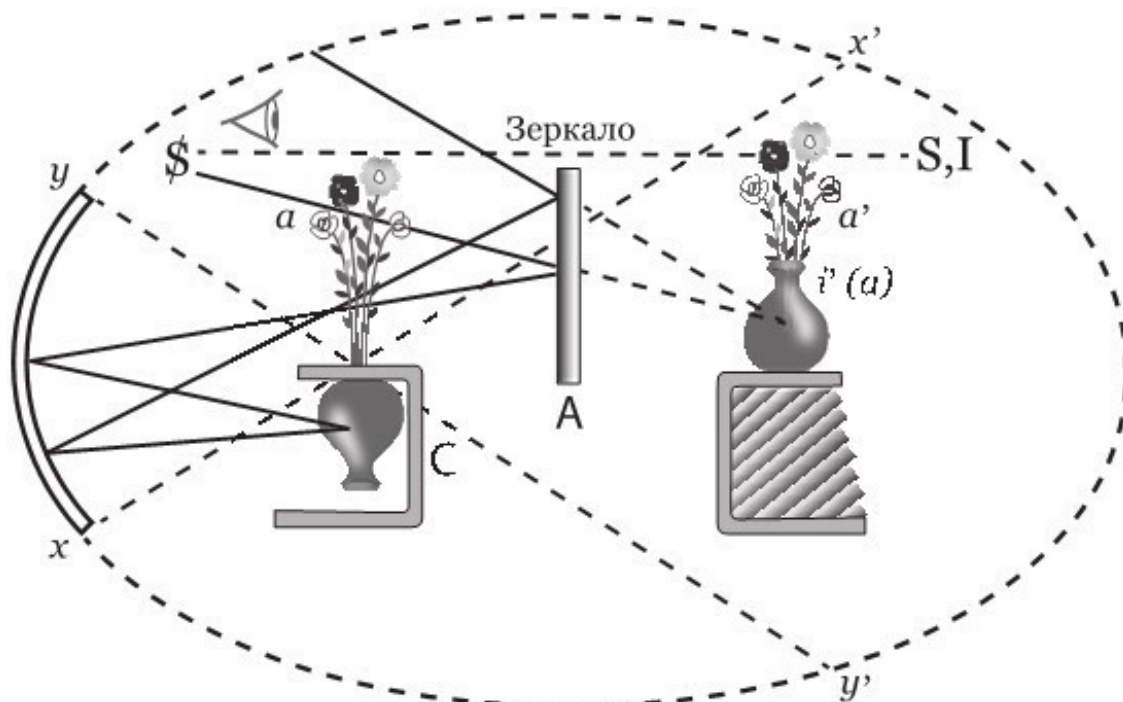

Рисунок 2. Конструкция с двумя зеркалами

Лекция 1

Интеллектуальная биография Лакана²

Жак Мари Эмиль Лакан родился в 1901 году в Париже, в богатой семье, которая владела предприятием по производству винного уксуса. Помимо Жака в семье было еще два брата и сестра. Один брат умер в возрасте двух лет от гепатита. Второй брат впоследствии стал монахом-бенедиктинцем, то есть поступил в католическую церковь и остался в ней. Семья была консервативной, религиозной. Неудивительно, что впоследствии Лакана отдали учиться в католическую школу. Католическая школа в Европе тех лет – это престижное заведение, куда отдают детей зажиточных родителей. То есть это место, где получают хорошее, можно сказать, элитное образование.

Лакан рано начал интересоваться философией. Где-то с пятнадцати лет он уже читал Спинозу, которого он любил и сильно им увлекался. Вскоре – в рамках некоего бунта – он отвергает религиозные ценности своей семьи и начинает увлекаться идеями Ницше. В частности, идеями Ницше про антихриста, антихристианина.

Я не буду много времени уделять его семейным делам, скажу лишь, что семья и контекст семьи повлияли на последующие идеи самого Лакана. Если взять его полное имя – Жак Мари Эмиль Лакан – то мы видим имя Эмиль. Эмиль – имя его деда по отцовской линии. Отношения с дедом были крайне тяжелыми. Он был авторитарным человеком и доминировал над отцом самого Лакана. Жак винил своего деда в том, что тот испортил его отношения с отцом. Кроме того, и в семье отца, и в семье деда основную роль играли женщины, которые как бы доминировали над своими мужьями.

Для Лакана эти обстоятельства нашли отражение в двух его важных концепциях. С одной стороны, Имя-Отца. Помимо всего прочего, это лакановское понятие можно понимать в буквальном смысле – как имя отца. Как то имя, которое против твоей воли как бы вписано в твое собственное имя. В имени самого философа было имя не отца, но имя авторитарной отцовской фигуры, в данном случае – его деда.

С другой стороны, сама семья отражала важный для Лакана момент – постепенный упадок отцовского принципа, закат власти отцов, кризис патриархальной семьи. Эта интуиция впоследствии становится для Лакана чрезвычайно важной. Он будет говорить в контексте своих размышлений о перверсии, об Эдиповом комплексе, об отцовской функции и о том, что происходит, если эта отцовская функция не работает или сталкивается с какими-то затруднениями.

После окончания школы Жак Лакан идет учиться и становится врачом. С конца 1920-х годов он начинает увлекаться психиатрией и с 1927 по 1931 год изучает психиатрию в госпитале Святой Анны. В рамках своего обучения он ездит на стажировки. В частности, в знаменитую клинику Бургхольцли в Швейцарии.

В контексте психоанализа данная клиника известна тем, что там свои первые шаги делал Карл Густав Юнг (1875–1961), некогда любимый ученик Зигмунда Фрейда (1856–1939), который впоследствии от Фрейда откололся и основал свое собственное психоаналитическое направление под названием аналитическая или комплексная психология.

В отличие от Фрейда, который изначально работал с истерическими больными, Лакан, будучи психиатром и работая в психиатрической клинике, имел дело с гораздо более тяжелыми случаями. Если развитие Фрейда шло через изучение кейсов истерии, и именно через истерию

² В своем изложении биографии Лакана я опираюсь на великолепную работу Элизабет Рудинеско: *Roudinesco E. Jacques Lacan: Esquisse d'une vie, histoire d'un systime de pensйe*. Paris: Fayard, 1993.

он формулировал свои базовые, основополагающие идеи, то в случае с Лаканом речь шла о формировании через столкновение с гораздо более тяжелыми психическими расстройствами, прежде всего, со случаями паранойи. Лакан работал с галлюцинаторным психозом, с болезнью Паркинсона, с психическими автоматизмами, с наследственным сифилисом и прочими сложнейшими заболеваниями.

Более того, он еще и занимался судебной психиатрией и поэтому имел дело, среди прочего, с очень известными случаями преступлений, которые совершались людьми как раз под воздействием разного рода психических нарушений.

Единственным, кого Лакан признавал в качестве своего учителя психиатрии, был Гаэтан Гасьян де Клерамбо (1872–1934), известнейший французский психиатр. Как Лакан пишет в „*Écrits*“: «... мой единственный учитель в психиатрии»³. Клерамбо известен своими исследованиями феномена психического автоматизма: чувство отчужденности, неестественности, «деланности» собственных движений, поступков и мышления. Страдающий от таких симптомов больной заявляет, что некто говорит его ртом, ходит его ногами, делает что-либо его руками. В этой концепции психического автоматизма можно найти отголоски более поздних идей самого Лакана, в частности, связанных с идеей Другого и с воздействием, которое этот Другой оказывает на субъекта – в рамках психического автоматизма Другой как бы захватывает субъекта, делает его объектом своего наслаждения («наслаждение Другого»). Помимо психического автоматизма, Клерамбо также изучал явления эротомании, или эротического бреда. Речь идет об убежденности человека, что в него тайно влюблен кто-то знаменитый, известный, богатый и что только какие-то исключительные обстоятельства мешают этой любви реализоваться. Тема эротомании присутствует в первом значимом интеллектуальном проекте Лакана – его диссертации, посвященной делу Эмэ.

Однако прежде чем говорить о его диссертации, выделим основные периоды лакановского творчества. Естественно, далеко не все принимают такую классификацию, поэтому скажем, что это одна из возможных классификаций⁴. Она достаточно удобная и позволяет более-менее ориентироваться в периодах деятельности психоаналитика.

Таких периодов три. Первый период – ранний (с 1936 по 1949 год). Это период, когда Лакан развивает свои идеи, касающиеся стадии зеркала, и в основном концентрируется на воображаемом.

Второй период его творчества, условно называемый средним, – это период с 1949 по 1960-е годы. В это время Лакан начинает увлекаться символическим, его занимает тема структурной лингвистики, языка. «Означающее» становится для него ключевым, принципиальным концептом.

И, наконец, последний, третий этап лакановского творчества – поздний этап. Этап с 1960-х годов по 1981 год, то есть по год его смерти. Это период, когда Лакан начинает обращать все больше внимания на то, что находится как бы по ту сторону символического. Для него на первый план выходит реальное. Что такое реальное, символическое и так далее – все это мы будем в свое время обсуждать, рассматривать.

Итак, вернемся к диссертации. Диссертация вышла как книга в 1932 году под названием «О паранойальном психозе в его отношении к личности» („*De la psychose paranoïaque dans ses rapports avec la personnalité*“). По сути, это была единственная книга, которую Лакан написал за всю свою жизнь (все остальное – это сборники его отдельных работ и семинары).

В рамках этой работы он описал случай Эмэ. Эмэ – это имя, которое Лакан дал своей пациентке. «Эмэ» в буквальном смысле означает «любимая» или «возлюбленная». Настоящее

³ *Lacan J. Écrits*. Paris: Seuil, 1966. P. 65.

⁴ Обоснование данной периодизации см.: *Julien Ph. Jacques Lacan's Return to Freud: The Real, the Symbolic, and the Imaginary*. New York and London: New York University Press, 1995.

имя Эмэ было Маргарет Пантэн. История Маргарет Пантэн – это пример тех пациентов, с которыми Лакан работал на заре своей карьеры и которые в некотором смысле сформировали фундамент его мышления. Именно на таких кейсах формировалась его теория. Повторюсь, если фрейдовская теория формировалась в основном на исследованиях случаев истерии, то лакановская теория формировалась на очень тяжелых психиатрических кейсах – и прежде всего на изучении случаев паранойи.

Маргарет Пантэн была, с одной стороны, простой служащей, которая работала на железной дороге. А с другой стороны, у нее была как бы вторая жизнь, и эта вторая жизнь сопровождалась целым букетом психиатрических симптомов. Она страдала бредом преследования, склонностью к мании величия и эротоманией.

Ее бред преследования заключался в том, что она считала, будто бы ее преследует пара известных французов. С одной стороны, ее преследует известная актриса, которую звали Югетт Дюфло (и она же одновременно – объект для подражания и идентификации для Маргарет). А с другой – известный французский литератор, который писал романы и в этих романах зачем-то выписывал очень негативный женский образ. Как считала Маргарет, этот негативный женский образ списан с нее, это попытка эту самую Маргарет дискредитировать, опорочить. Однажды она даже подкараулила данного литератора и пыталась задать ему вопрос, зачем он это делает и не стоит ли ему прекратить порочить ее славное имя.

Параллельно у нее была мечта – фантазия о том, что она является писательницей. Маргарет написала два романа и безуспешно пыталась их напечатать. Она отдала рукописи в издательство, но издательство вернуло эти рукописи – никто печатать ее работы не хотел.

Кроме того, Маргарет страдала эротоманией. Она была убеждена, что в нее влюблен некий принц, которому она все время писала письма, объясняя свои злоключения.

Кульминацией этой истории стал 1931 год, когда Маргарет напала на эту якобы преследующую ее актрису – в тот момент, когда Югетт Дюфло выходила из театра. Но довести до конца свой план, то есть убить «преследовательницу» ножом, Маргарет не удалось – ее схватили. Очень скоро она оказалась в кабинете доктора Лакана, который, в свою очередь, ухватился за дело Маргарет Пантэн и на материалах этого дела написал диссертацию, давшую сильный толчок его карьере.

При этом надо сказать, что судьбы Лакана и этой самой Эмэ, «возлюбленной», достаточно сильно переплелись. С одной стороны, психиатр глубоко погрузился в ее историю. Он забрал все ее материалы, фотографии и так далее. И, кстати, так никогда их не вернул. С другой стороны, у этой женщины был сын – Дидье Анзье, который стал впоследствии известным французским психоаналитиком. И парадокс в том, что Анзье пришел на анализ к Лакану, то есть Лакан был его аналитиком. И по началу в ходе терапии ни сам аналитик, ни анализант не понимали, что матерью Дидье является та самая Маргарет, на материалах которой Жак Лакан написал свою диссертационную работу.

Сама Маргарет к Лакану относилась плохо. Она считала, что он ее, по сути, использовал, что как человек она ему была неинтересна, что она ему была нужна исключительно из тщеславных соображений – разработать свою теорию паранойи, сделать карьеру, продвинуться в сообществе психиатров.

И надо сказать, что после того, как Маргарет вышла из лечебницы, а это в какой-то момент случилось, она даже некоторое время проработала в доме родителей своего врача. И сам Жак Лакан даже однажды столкнулся с ней в доме своих родителей. Вот так интересно, причудливо переплелись судьбы психоаналитика и его первой знаменитой пациентки!

Чем примечательна эта работа? Она примечательна тем, что в ней можно найти первые проблески концепций зрелого Лакана. В частности, в ней можно увидеть некоторые отголоски того, что впоследствии разовьется в концепцию стадии зеркала. Это его соображения, размышления о двойнике и о том, что впоследствии станет воображаемой осью отношений, то есть

осью отношений с маленьким другим – в лакановской алгебре обозначается как *a*. Это отношения, которые, с одной стороны, пронизаны обожанием, желанием копировать, любовью, а с другой – конкуренцией, агрессией, завистью. То есть ровно то, что, с точки зрения Лакана, разыгралось между Эмэ и той актрисой, на которую она напала (а до этого – между Эмэ и ее сестрой)⁵. Кроме того, в этой же работе присутствуют отголоски идей о паранойальном основании любой личности⁶.

Работа примечательна также тем, что в ней автор впервые демонстрирует свое знакомство с идеями Фрейда. В 1932 году он уже читал работы Фрейда и даже переводил их, а также пытался интегрировать идеи последнего в свои размышления о параноии. После того, как эта работа была издана, Лакан послал ее Фрейду, но тот остался не впечатлен, он не обратил внимания на лакановский талант, отреагировав на письмо простой вежливой отпиской: «Спасибо за то, что послали мне эту работу». Скорее всего Фрейд даже не открывал исследование, а если и открывал – то не нашел в нем ничего суперинтересного.

Диссертация Лакана имела некоторый успех. В частности, она привлекла внимание, с одной стороны, французских социалистов, а с другой – сюрреалистов.

Левым эта работа понравилась тем, что в ней история болезни Эмэ была показана не как следствие каких-то наследственных факторов или физиологических нарушений, но она была вплетена в историю ее жизни. То есть психиатрические симптомы Эмэ могут быть выведены из ее жизненных злоклучений, что показывает, что в некотором смысле социальные обстоятельства могут сводить человека с ума и приводить к тем последствиям, к которым они и привели в случае с Маргарет Пантэн. Социалисты считали Лакана лидером нового психиатрического направления, соединяющего, с одной стороны, Фрейда, а с другой – марксизм. В целом, левые всегда относились к Лакану с симпатией, кульминацией чего стали работы марксистского философа Луи Альтюссера (1918–1990), сыгравшего большую роль в популяризации идей Жака Лакана не просто как психоаналитика, но как того, кто внес большой вклад в развитие социальной и политической философии.

Второй группой, которая благосклонно приняла диссертацию, были французские сюрреалисты, в частности Сальвадор Дали. Надо сказать, что у Лакана и сюрреалистов была взаимная любовь – молодой психиатр очень восхищался сюрреалистами, дружил с Дали, читал его статьи. И впоследствии публиковался в журнале сюрреалистов под названием «Минотавр».

Почему сам Лакан интересовался сюрреалистами? Он считал, что сюрреалисты раскрывают некоторые механизмы, которые проливают свет на то, что происходит с людьми, страдающими психическими расстройствами. Сюрреалисты используют в качестве художественного приема то, что пациенты демонстрируют в качестве своих симптомов. В частности, Лакана привлекла статья Сальвадора Дали 1930 года «Гнилой осел». В этой статье Дали раскрывает принципы художественного мышления представляемого им направления, проводя параллели между сюрреалистами и параноиками (его так называемый параноидально-критический метод). Те причудливые образы реальности, с которыми психически больные люди имеют дело в своих галлюцинациях и в своем бреде, для художника-сюрреалиста есть неисчерпаемый ресурс для творчества.

Из изучения сюрреалистов Жак Лакан выводил некоторые важные для себя идеи. Например, идею о паранойальной структуре любой личности. О том, что любой субъект изначально представляет собой набор разрозненных, раскоординированных, хаотических влечений, движений, частей и так далее. Для того, чтобы все это собралось в какой-то целостный образ, как раз и нужно то, что Лакан впоследствии объявит стадией зеркала. А сюрреалисты обнажали эту

⁵ Более подробно о деле Эмэ и других психиатрических кейсах Лакана см.: *Мазин В.* Переход к действию и самонаказующая паранойя // *Лаканалия.* 2020. № 33. С. 16–35.

⁶ См. лекцию 2.

изначальную хаотичность человека в своих картинах. Если посмотреть на обложки журнала «Минотавр» (рис. 3), то можно увидеть странные фигуры с какими-то непонятными частями (головами и так далее). Эти образы как будто бы обнажают то, что у больных проявляется в качестве симптомов (переживание внутреннего хаоса, распада на части), и то, что у условно здоровых людей как бы скрыто под целым слоем различных психических инстанций, которые возникают в ходе психического развития, куда входят и стадия зеркала, и Эдипов комплекс, и погружение в символический регистр и т. д.

Именно в журнале «Минотавр» Лакан опубликовал свои размышления, посвященные следующему громкому психиатрическому кейсу, которым он интересовался, – истории сестер Папен. Это история 1933 года. Сестры Папен – молодые девушки, которые работали горничными в богатом доме. В какой-то момент в силу целого ряда случайных событий – в частности, в доме ненадолго погас свет – сестер переклинило, и они зверски убили хозяйку дома, а также ее дочку. Причем убили с элементами расчленения – выкололи глаза. То есть была абсолютно жуткая картина преступления. После этого они помылись, спокойно легли в кровать и ожидали приезда полиции.

Рисунок 3. Обложка журнала «Минотавр» № 10, 1937 (автор обложки – Рене Магритт)

Эта история разделила Францию. Одни считали, что это проявление классовой ненависти, что наниматели эксплуатировали девушек и ни во что их не ставили. В конечном счете это спровоцировало выплеск классовой ненависти и насилия. Другая сторона считала, что это просто проявление психиатрического расстройства, которое до этого было скрыто.

Лакан заинтересовался этой историей и написал свою интерпретацию случившегося, развивая собственное понимание паранойи. В понимании молодого Лакана, в этой истории воедино сходилась как социальная, так и психиатрическая линии. В частности, он считал, что паранойя возникла как результат того отчуждения, которое существовало между служанками и их господами/работодателями. Сестры воспринимали своих нанимателей в качестве

тех, кто смотрит на них каким-то отчуждающим, можно сказать, уничтожающим взглядом. И в момент помешательства, вызванного внезапно погасшим светом на фоне какой-то мелкой ссоры, сестры в буквальном смысле попытались избавиться от этого смотрящего на них, обесценивающего, ни во что их не ставящего глаза. Они буквально вырвали эти невыносимые для них глаза. С точки зрения Лакана, здесь друг на друга наложились две логики: с одной стороны – логика классового отчуждения, установившая границу между сестрами и хозяевами дома, а с другой – логика паранойи, логика преследующего субъекта Другого, желающего этого субъекта истязать. Вырывая глаза своих жертв, сестры Папен хотели избавиться от того Другого, который преследовал их в их психической реальности.

Параллельно с изучением психиатрических кейсов Лакан начинает все больше увлекаться психоанализом. Он активно переходит от психиатрии к психоанализу.

Для того чтобы продвинуться в психоаналитическом сообществе, Лакану необходимо было вступить в Парижское психоаналитическое общество (Société psychanalytique de Paris, SPP), старейшую психоаналитическую организацию Франции (основана в 1926 году). Но не просто вступить, а стать ее полноценным членом и получить статус тренинг-аналитика, который позволяет уже брать учеников и вообще превратиться в видную фигуру психоаналитического движения.

И Лакан в 1932 году идет в собственный анализ, что было необходимым условием для членства в SPP. Он попадает к Рудольфу Левенштейну (1898–1976) – тоже знаковой фигуре в истории психоанализа XX века. Если посмотреть на годы жизни Левенштейна, то он был почти ровесником Лакана. Отношения между этими двумя безусловно выдающимися джентльменами не складываются. Лакан попросту считал Левенштейна недостаточно для себя умным. Он считал его разочаровывающим учителем. В свою очередь, Левенштейн считал Лакана неанализабельным и не очень благоприветствовал продвижению Лакана в качестве члена SPP.

Такие странные отношения у них продолжались несколько лет. Чтобы охарактеризовать каким-то образом их отношения, можно привести одну историю, которая однажды произошла на сеансе психоанализа. Лакан рассказал про свое дневное происшествие – как он ехал в машине по Парижу. Надо сказать, что он любил машины, любил очень быстро ездить. Он ехал по Парижу и в туннеле уперся в грузовик, который никак не хотел его пускать даже после неоднократных попыток его объехать. Наконец, здравый смысл возобладал, грузовик уступил дорогу, и Лакан на большой скорости поехал дальше. Он принес этот образ на анализ для того, чтобы показать, наверное, Левенштейну то, что между ними разворачивалось, что между ними происходило. Левенштейн – тот грузовик, который мешает Лакану на его быстрой машине промчатся туда, куда ему нужно. Можно догадаться, что Левенштейну такой образ не очень понравился.

Учитывая дальнейшие траектории этих выдающихся психоаналитиков, можно сказать, что их отношения не сложились неслучайно. Лакану, конечно, не повезло с аналитиком – в том смысле, что Левенштейн наряду с целым рядом других известных аналитиков – Анной Фрейд, Эрнстом Крисом и Хайнцем Хартманном – стал идеологом эго-психологии. Эго-психология – это направление психоанализа, которое выдвигает эго на первый план. Эго и его адаптацию к внешней реальности. То есть главное – усилить эго пациента, усилить адаптацию этого эго к реальности. В рамках такого подхода бессознательное, влечение и все прочее уходят на задний план, а на первый план выходит эго.

Именно с таким пониманием психоанализа Лакан воевал всю свою жизнь. Он считал его квинтэссенцией предательства учения Фрейда, предательства, которое Лакан наблюдал у некоторых, прежде всего, англо-американских продолжателей Фрейда. По его мнению, если

субъект и должен к чему-то адаптироваться, то только к реальному своих влечений. А это – всего лишь отчуждающая идентификация, мешающая этому⁷.

То есть так получилось, что собственным аналитиком Лакана стал один из ключевых теоретиков того направления психоанализа, которое французский психоаналитик ругал как только мог, считая его предательством Фрейда, предательством психоанализа. Свою миссию он видел в том, чтобы с этим предательством бороться – бороться путем возвращения к учению Фрейда, к бессознательному, к произведенной австрийским гением революции.

В это же время, то есть в 1930-е годы, Жак Лакан развивает свою первую зрелую концепцию, которая впоследствии принесла ему известность и благодаря которой он по сей день известен многим людям. Вероятно, она наиболее проста для понимания. Речь идет о его концепции стадии зеркала.

К 1936 году у Лакана формируется уже более-менее целостное понимание концепции, и с этими идеями он едет на конгресс Международной психоаналитической ассоциации (далее – МПА). То, что там происходит, – это в концентрированном виде иллюстрация отношений Лакана с мировым психоаналитическим истеблишментом, который его не принимал, не видел его значимости и, по большому счету, не понимал.

Отношения Лакана с МПА как-то с самого начала не сложились. Причем это проявлялось и до конгресса – в истории с Фрейдом, который очень сдержанно откликнулся на присланную ему работу молодого психиатра, в истории с Рудольфом Левенштейном, который уже тогда был значимой фигурой в мировом психоанализе. История на конгрессе – еще одно звено в этой цепи недопониманий.

Конгресс проходил в 1936 году в австрийском Мариенбаде. Это такой городок в тогдашней Австро-Венгрии, а ныне – в Чехии. Место было выбрано неслучайно – рядом с местом жительства Зигмунда Фрейда, который к тому моменту уже был пожилым человеком с ограниченными возможностями для путешествий. Лакан приезжает на конгресс для того, чтобы презентовать свои идеи относительно стадии зеркала. По его мнению, разработанная концепция представляет собой огромный вклад в развитие теории психоанализа. Он считал, что тем самым заполняет ту лакуну, которая оставалась у самого Фрейда. Здесь необходимо отметить, что у Фрейда есть работа о нарциссизме, где он размышляет о том, как формируется человеческое Я. Ведь человек не рождается с Я – Я возникает на каком-то этапе. Фрейд задается вопросом, на каком этапе и как оно возникает. Но этот вопрос остается у него без ответа. Как считал Лакан, с помощью своей концепции стадии зеркала он как раз эту лакуну и заполняет⁸.

И вот он приезжает на этот конгресс, очевидно ожидая если не фурора, то как минимум того, что его выслушают. Но происходит неприятный конфуз. На конгрессе есть регламент, и по этому регламенту у каждого выступающего есть десять минут. Лакан выходит и начинает говорить, но эти десять минут очень быстро проходят – а Лакан еще толком ничего не успел сказать. И президент МПА, небезызвестный Эрнест Джонс, биограф Фрейда, просто прерывает выступление: мол, молодой человек, ваше время истекло, спасибо.

Для Лакана это была неприятная история. Он покинул конгресс, не дождавшись его окончания (и отправился в Берлин – смотреть Олимпийские игры). Никто не понял значимость этого выступления, никто не понял значимости фигуры Жака Лакана. Что неудивительно – мировой психоанализ тех лет занимал конфликт Мелани Кляйн и Анны Фрейд.

Скажу буквально пару слов о личной жизни Лакана. Он был женат дважды. Первый брак был заключен с Мари-Луиз Блонден в 1934 году. От Мари-Луиз у Жака было трое детей: две дочки и сын. Однако Лакан не был примерным семьянином и позволял себе изменять жене. Его самый яркий роман случился с Сильвией Батай – актрисой и на тот момент женой

⁷ Об этом см. в дальнейших разделах данной работы.

⁸ Подробнее см. лекцию 2.

Жоржа Батая⁹. Сильвия и Жак Лакан заключили официальный брак в 1953 году. В 1941 г. Сильвия родила Лакану дочку Жюдит, которая стала его четвертым и любимым ребенком. Впоследствии она унаследовала львиную долю имущества отца. А мужем Жюдит стал Жак-Ален Миллер – знаковая фигура для современного лакановского психоанализа, человек, которого сам Жак Лакан, по сути, сделал своим интеллектуальным наследником, поручив ему распоряжаться собственным идейным наследием.

Что еще происходило с Лаканом в 1930-е годы? В 1938 году он наконец-то становится тренинг-аналитиком, то есть получает возможность брать учеников. А надо сказать, что учеников он к себе привлекал и очень много. Подобная популярность Лакана впоследствии стала одной из причин недоразумений и разбирательств с МПА.

Дальше начинается Вторая мировая война. За время Второй мировой войны Лакан не публикует ни одной работы и в целом ведет себя очень тихо. С одной стороны, он не становится коллаборационистом, то есть он не поддерживает правящий режим Виши. А с другой стороны, не присоединяется к сопротивлению.

Дальнейшие любопытные интеллектуальные события в жизни Лакана происходят с конца 1940-х годов. Так, например, он пытается поучаствовать в том конфликте, который происходит в мировом психоаналитическом сообществе – конфликте Анны Фрейд и Мелани Кляйн. В этом конфликте он занимает позицию Мелани Кляйн, считая, что его идеи в принципе движутся в ту же сторону, что и ее. Идеи Анны Фрейд, развивавшей эго-психологию, были для Лакана объектом постоянной критики.

Однако сама Кляйн особого интереса к идеям Лакана не проявляла. По понятным причинам – она не понимала, в чем именно эти идеи заключаются. Идеи Лакана не понимают. При этом его считают как минимум человеком значимым во французском контексте, человеком, с которым необходимо считаться (он был тренинг-аналитиком, привлекавшим к себе огромное количество учеников). В этом качестве Мелани Кляйн с ним встречается и общается. И когда Лакан пообещал ей перевести ее книгу о психоанализе у детей на французский язык, это ее в некотором смысле подкупило.

Однако с переводом этой книги вышла неприятная ситуация. Лакан поручил переводить эту книгу одному из своих учеников. Тот перевел первую часть и отдал перевод учителю. Вторую часть книги переводил другой ученик. И когда стали искать первую часть, то выяснилось, что Лакан ее просто потерял. Узнав об этом, Мелани Кляйн, естественно, в Лакане разочаровалась и больше им особо не интересовалась. Таким образом, их отношения так и не сложились.

При этом Лакан активно опирался на многие идеи Кляйн и часто упоминал ее в своих работах – депрессивную и параноидно-шизоидную позицию, идеи о «бессознательной фантазии».

Конец 1940-х годов открывает новый этап в творчестве Лакана – этап, связанный с его увлечением структурализмом, которое начинается с изучения работ Клода Леви-Стросса, чья публикация 1949 года «Элементарные структуры родства»¹⁰ знаменует собой расцвет структурализма во Франции. Структурализм выдвигался как альтернативный подход доминировавшим тогда направлениям гуманизма и экзистенциализма. Если экзистенциализм и гуманизм говорили о свободе человека, о том, что человек – это совокупность совершенных им поступков, что «существование человека предшествует его сущности» (то есть ты становишься тем, кто ты есть, не в силу какой-то твоей изначальной сущности, но в силу тех решений, которые ты принимаешь в ходе своей жизни), то структурализм, наоборот, говорил о том, что человек предопределен теми структурами, внутри которых он находится. Свобода – иллюзия, а на самом деле все определяется теми системами, элементом которой человек становится после

⁹ Жорж Батай (1897–1962) – выдающийся французский литератор, философ.

¹⁰ *Lévi-Strauss C. Les structures élémentaires de la parenté. Paris: Presses universitaires de France, 1949.*

своего рождения и социализации. Человек – элемент структуры или комплекса структур (в частности, структур родства), которые почти полностью его определяют.

Про Леви-Стросса и его идеи мы поговорим подробнее чуть позже. В данный момент будет достаточно упомянуть, что Леви-Стросс и в целом антропологи обратили внимание на то, что структуры родства бывают разные. Это имело непосредственное отношение к психоанализу – в частности, к идеям Фрейда об Эдиповом комплексе. Является ли этот Эдипов комплекс чем-то универсальным?

Эдипов комплекс подразумевает наличие мамы, папы и ребенка. А антропологи описали такие сообщества, где никакого отца не было, или же где он был отодвинут на задний план. В этих сообществах структура родства была организована иначе: там была мама и ребенок, а отцовская фигура замещалась дядей, то есть братом матери. Можно сказать, что никакой эдипальной структуры тут возникнуть не могло, потому что не было отца, не было такой клеточки в структуре, которую отец мог по праву занять. Из этого можно было сделать вывод, что размышления Фрейда про Эдипов комплекс имеют отношение только к западной культуре и только к определенному этапу ее развития. То есть они применимы только для размышлений о нуклеарной семье: мама, папа, ребенок. А там, где есть иные структуры родства, там действуют уже другие механизмы.

В 1950 году Лакан знакомится с Романом Якобсоном, человеком, который внес огромный вклад в развитие структурной лингвистики. У Якобсона Лакан заимствует целый ряд важных для себя мыслей – о структуре языка, о метафоре и метонимии. Впоследствии он все совмещает и возникает его собственная концепция психоанализа, положенная на фундамент структурной лингвистики. В рамках своих увлечений структурализмом Лакан и формулирует свою известную концепцию бессознательного, структурированного как язык¹¹.

Надо сказать, что Лакан в целом дружил с большим количеством выдающихся умов своего времени. Так, например, Лакан дружил с Мартином Хайдеггером, общался с ним, читал его работы. Лакан встречался с Карлом Густавом Юнгом. Кстати, именно во время этой встречи Юнг и рассказал ставшую знаменитой историю о том, как они с Фрейдом приехали в Америку. И Фрейд, повернувшись к Юнгу, сказал: «Мы привезли в Америку чуму», имея в виду психоанализ.

Знакомство Лакана со всеми этими выдающимися умами XX века все равно развивается по одной и той же схеме. Все знают, что Лакан – если не гений, то как минимум очень значимая фигура, но при этом никто его не понимает. Известны замечания и Леви-Стросса, и Хайдеггера по поводу того, что они не понимают ничего из того, что Лакан пишет или говорит.

Например, Леви-Стросс в своем общении с Морисом Мерлю-Понти, еще одним собеседником Лакана, сетовал: для того, чтобы понять Лакана, его, наверное, надо читать по пять-шесть раз. Но, как замечал Леви-Стросс, у него просто не было столько времени. Поэтому он просто дружил с Лаканом, совершенно не понимая, в чем суть его идей. С Хайдеггером было то же самое. Когда тот получил копию лакановских „*Йcrits*“, изданных в 1966 году, то признавался одному из своих приятелей, что ничего для себя из этой книжки вынести не смог. А потом еще добавил: похоже, нашему психиатру самому нужен психиатр.

¹¹ См. лекцию 3.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.